

критика реальной школы также отрицает значение школы романтической, но, по крайней мере, она не отрицает у писателей этой школы талантов. Г. Стасов в Брюллов видит только „тунцу“. Что касается взглядов г. Стасова на произведения Мюллера, Иванова и на новое русское искусство, то с ними нельзя не согласиться. Признавая Федотова родоначальником новой школы, он говорит, что разрыв между ей и старой школой произошел в 60-х годах, когда несколько молодых учеников академии художеств отказались писать на академическую программу, вышли из академии и пошли своею дорогою. Разрыв нового русского искусства со старым направлением был гораздо сильнее и решительнее, чем у всех других европейских школ. Правда в 50-х, 60-х и 70-х появлялись живописцы прежнего направления: гг. Сорокин, Флавицкий, Вениг, Чумаков, В. П. Верещагин и их произведения напоминали Брюллова, Бруни, Васина, но они ни на кого больше не производили впечатления своих оригиналов; и они сами, и их направление казались устаревшими, не смотря на „модернизацию“ и освещение старого академического принципа современными европейскими приемами.

Следствием искренней национальности явилась у нас серьезная содержательность нового нашего искусства. На отсутствие этой серьезности в западном искусстве жалуются многие серьезные критики. Что-нибудь искреннее, результат истинного настроения и чувства — там самый редкий случай. Ренуа, Кнаус и Ватте — редчайшие исключения. Там больше деньги платят за картину или картинку, изображающую в чудном совершенстве котель, шелковую материю, поугая, ничтожнейшие и бессодержательнейшие сцены, без взгляда, без мысли, без юмора или трагедии, а только так, чтобы что-нибудь представить. Бессодержательность картины не оскорбляет на западе ни кого, у нас всякого.

С зарождением у нас новой школы изменился у наших художников взгляд на пейзажи в чужих краях и на заграничную жизнь. Для многих при „непочтительности“ к авторитетам, составляющей особенность новой школы, должны были померкнуть прежние стили Италии и всего Итальянского искусства. Большинство наших сложившихся художников, впрочем, не могли принести вреда заграничным пейзажам. Но они чувствовали, что им там нечего делать. Они слишком национальны. Но все же есть из русских художников и зажившиеся за границей долго, как гг. Чернышев, Петров, Попов, Рицconi, которые начали прекрасными оригинальными вещами из национальной жизни, а теперь ищут разны „половки итальянской чучерки“, „Итальянского скрипача“, „Сакристия“, „Кардинала“. Все это утраты для русской школы сильные и горькие. По счастью он не многочисленны и возможны теперь все реже и реже.

Наконец, еще крупная, отличительная черта нового русского искусства, это — избранность собственных тем для картин своих и независимость от созданий русской литературы.

Гамлет принц Данский. В. Шекспира. Пер. на украинську мову М. Старичий. З'є прилогою музики М. Лисенка.

Перевод на малорусский язык такого произведения Шекспира, как „Гамлет“ представляет большой интерес при определении степени литературного развития малорусского языка.

Прочтя настоящий перевод г. Старицкого, удивляешься, какой высокой степени литературного развития достиг уже малорусский яз., с какой легкостью, безискусственностью и красотой он может передавать все оттенки высоко развитой мысли. Сравнительно с этим языком, язык, напр., сербский литературный находится еще в довольно грубом со-

стоянии, язык чешский, сильно развитый литературно, поражает дѣланностью слов и ужасными германизмами в строении; здесь же язык чисто народный, почти без вышних влияний и без передѣлок народных слов, талантливо поднят на степень просвѣщенного, литературного языка. — Дѣло это конечно не г. Старицкого, который воспользовался уже готовою рѣчью. Эту рѣчь мы чули еще в прелестных рассказах покойнаго Стороженки и др., и наконец видѣли в недавних переводах на малорусский язык разных произведений, а также в популярных изложениях научных предметов.

Что касается до самаго перевода „Гамлета“, то он сдѣлан г. Старицким весьма тщательно и обдуманно.

Для читателей, вѣроятно, будет небезинтересно познакомиться с тѣмъ, какъ переданъ по малорусски извѣстный монологъ „Гамлета“ „To be, or no to be“. Предлагаемъ его начало:

Гамл. (выходитъ въ замысленій). Жити чи не жити?

Ось въ чімъ річъ. Бо що є благороднѣшъ,
Чи приймати і каміння й стріли
Одъ лихої-нависної долі,
Чи повстати на те море туги
Й тимъ повстанемъ покінчити все разомъ?
Вмерти — сномъ заснути, й більшъ нічого.
І сказати, що отой сонъ оразу
Намъ урве усі душевні болі,
Силу мукъ, що спались нашої плоти,—
То такий кінець ще прехороший,
Що его повинні ми жадати.
Вмерти—спати... Спати? Може спити? и т. д.

Привозныя патентованныя средства.

Помѣщая съ настоящаго № рядъ анализовъ привозныхъ „чудодейственныхъ“ средствъ, желаемъ оградить этимъ доверчивыхъ покупателей, соблазненныхъ громкими рекламными не только отъ наглаго обмана, съ цѣлью наживы, но очень часто отъ болѣе тяжелыхъ послѣдствій употребленія этихъ средствъ, которыя, не смотря на громогласныя заявления объ одобреніи Парижской, Берлинской и т. д. медицинскими академіями, въ большинствѣ случаевъ, никакой академіи и не видали, а если попадаютъ какія изъ этихъ шарлатанскихъ средствъ подъ какой либо официальной анализъ, то только — безвредныя, въ чемъ они и аттестуются. Точно такъ же и въ средствахъ, „одобренныхъ“ русскимъ медицинскимъ департаментомъ, на самомъ дѣлѣ только констатируется фактъ ихъ безвредности, да и то далеко не всегда справедливо.

Мамонтово мыло. Это простое бѣлое мыло, подкрашенное совершенно безвредными и бесполезными травами. Все рекламы объ этомъ мылѣ — шарлатанство съ цѣлью продать вещь, стоящую 10 коп. за 60.

Пудра „адочисъ“. Poudre d'Adonis состоитъ изъ талька, окрашеннаго краповымъ лакомъ съ примѣсью духовъ. Не полезнее простаго талька, но въ 10 разъ дороже.

Возстаповитель волосъ Розеттера. Составныя части: 345 ч. розовой воды, 50 ч. глицерина, 2 ч. сѣрнаго молока и 3 части свинцоваго сахара. Составъ, продающійся весьма дорого и вмѣстѣ крайне вредный.

Бальзамъ для волосъ Маркварта. Составныя части: 83 ч. воды съ одеколономъ, 12 ч. глицерина, 4½ ч. сѣрнаго молока и 1½ ч. азотнокислой соли свинца. Бальзамъ этотъ, отличающійся высокой цѣной и большой ядовитостью (какъ и все составы съ свинцовыми солями), предназначается для окраски волосъ.